

**О ГУМАНИТАРИЗМЕ И ГУМАНИЗМЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЛИДЕРОВ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУППИРОВОК НАЧАЛА 1930-Х ГГ.
(на материале откликов Л. Авербаха, М. Горького, В. Шкловского
на смерть В. Маяковского)**

Самоубийство В. Маяковского – пророка революции, её «агитатора, горлана-главаря», произошедшее в 1930 г., когда решались судьбы первой пятилетки, совпало с переломным моментом в социально-политической жизни страны. Эта смерть, как некогда самоубийство С. Есенина, произвела огромное впечатление на общество: она поколебала социальный оптимизм строителей социализма, поставив под сомнение его перспективы. Отклики Л. Авербаха, М. Горького и В. Шкловского на трагическое событие обнаруживают их оценку творчества Маяковского и отношение к нему как личности и носителю определённого мировоззрения. Эти отклики являются важными документами времени, так как в них проявились нравственные черты лидеров литературной жизни страны, тех, кого позже назвали «инженерами человеческих душ». Предпринятый впервые в настоящей статье анализ высказываний о смерти Маяковского обнаруживает «стиль» эпохи социалистической реконструкции, в котором не находится способов выражения сочувствия человеку: трагедия поэта стала поводом к полемике с классовыми врагами (Л. Авербах), к назидательному учительствованию (М. Горький), к игровому самооправданию (В. Шкловский). «Лозунговое», «учительное» и «игровое» начало представляют торжествующий «гуманитаризм» общественного сознания эпохи, понимаемый как форма «социального доминирования», обеспечивающая людям «слова» положение вершителей человеческих судеб. В этих отношениях нет понятий, характерных для патриархального общества, включающих в ценностную парадигму слова и понятия, объясняющие принцип функционирования социального организма в категориях «гуманности», понимаемой как «нравственное», «совестливое», «сердечное», «душевное», происходящее не от разума, а от действия «духа».

Ключевые слова: Авербах, Маяковский, Горький, Шкловский, гуманизм, гуманитаризм, социалистическая реконструкция, стиль, социальное доминирование.

Информация об авторе: Гусейнов Вагиф Нариман оглы, ORCID 0000-0003-1229-0984, кандидат филологических наук, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, г. Москва, Россия.

E-mail: vagifng2007@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.03.2020.

Для цитирования: Гусейнов В.Н. О гуманитаризме и гуманизме: лингвостилистические особенности высказываний лидеров литературных группировок начала 1930-х гг. (на материале откликов Л. Авербаха, М. Горького, В. Шкловского на смерть В. Маяковского) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 179–184. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-179-184.

Vagif N. Guseynov

Stroganov Moscow State Academy of Applied Art and Design

**ON HUMANITARIANISM AND HUMANISM: LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES
OF THE STATEMENTS OF THE LEADERS OF LITERARY GROUPS IN THE EARLY 1930S
(based on the responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky
to the death of Vladimir Mayakovsky)**

The suicide of Vladimir Mayakovsky, the prophet of the revolution, its «agitator, bawler ringleader», which occurred in 1930, when the fate of the first five-year plan was being decided, coincided with a turning point in the Soviet Union's socio-political life. This death, as well as the former suicide of Sergei Yesenin, impressed the society dramatically – it rocked the social optimism of the builders of socialism, besmirching the prospects. The responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky and Viktor Shklovsky to the tragic event reveal their assessment of Vladimir Mayakovsky's work and their attitude to him as a person and a bearer of a certain worldview. These responses are important documents of the time, because they revealed the moral traits of the leaders of the literary life of the country, those who were later called «engineers of human souls». The analysis of statements about Vladimir Mayakovsky's death, undertaken for the first time in this article, reveals the «style» of the era of socialist reconstruction, in which there are no ways to express sympathy for a person: the poet's tragedy became an occasion for polemics with class enemies (Leopold Averbakh), for edifying teaching (Maxim Gorky), for playing self-justification (Viktor Shklovsky). The «slogan», «educational» and «game» principles represent the triumphant «humanitarianism» of the public consciousness of the era, understood as a form of «social domination» that provides people with «words» of the position of the arbiters of human destinies. In these relations, there are no concepts characteristic of a patriarchal society that include words and concepts to explain the principle of functioning of the social organism in the categories of «humanity», understood as «moral», «conscientious», «cordial», «sincere», not happening from the mind, but from the action of the «spirit».

Keywords: Leopold Averbakh, Vladimir Mayakovsky, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky, humanism, humanitarianism, socialist reconstruction, style, social dominance.

Information about the author: Vagif N. Guseynov, ORCID 0000-0003-1229-0984, Candidate of Philological Sciences, Stroganov Moscow State Academy of Applied Art and Design, Moscow, Russia.

E-mail: vagifng2007@yandex.ru

Article received: March 31, 2020.

For citation: Guseynov V.N. On humanitarianism and humanism: linguistic and stylistic features of the statements of the leaders of literary groups in the early 1930s (based on the responses of Leopold Averbakh, Maxim Gorky, Viktor Shklovsky to the death of Vladimir Mayakovsky). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 2, pp. 179–184 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-179-184.

Заявленный решениями XV партийного съезда (1927) курс на индустриализацию и коллективизацию патриархальной страны требовал идеологического обеспечения задач социалистической реконструкции. Решение этой задачи взяли на себя многочисленные литературные организации и объединения, из которых наибольшей активностью отличалась образованная в 1928 г. под руководством Л. Авербаха Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Обладавший личными связями с советскими карательными и партийными органами, Авербах и его окружение оказывали колоссальное влияние на литературный процесс, выступая с различными идеологическими инициативами (дискуссия о творческом методе, призыв ударников в литературу, призыв писателей на борьбу с прорывами, военизация литературы, борьба за партийную критику и литературоведение и проч.), которые позволяли РАПП делить писателей на своих и чужих, пролетарских и попутнических, а к 1930 г. и на союзников и врагов. На высказывания журнала «На литературном посту», органа РАПП, ориентировались другие литературные объединения и их издания, например менее массового, но талантливого и хорошо известного ЛЕФа-РЕФа и новых журналов, инициированных приехавшим по приглашению Сталина из Сорренто А.М. Горьким.

В этот решающий момент в политической, социальной и экономической областях жизни советской страны совершается событие, вызвавшее колоссальный резонанс среди всех слоев ее населения и за рубежом [Смерть Владимира Маяковского] – самоубийство пророка революции, её «агитатора, горлана-главаря» Владимира Маяковского. Известно, что Поварская улица Москвы, где в Клубе Федерации объединений советских писателей происходило прощание с поэтом, была наполнена многотысячной толпой тех, кто хотел проводить Маяковского в последний путь.

Как некогда смерть С.А. Есенина, пришедшаяся на переломный 1925 г. нэпа, смерть Маяковского вновь поставила вопрос о социальном оптимизме общества в целом и о социальных перспективах тех, кто не получил статуса «пролетария» в стране «диктатуры пролетариата».

Последние месяцы жизни Маяковского хорошо известны историкам литературы [Кацис; Московская]. Действующими лицами или наблюдателями этих драматических дней были авторы анализиру-

емых статей памяти поэта. Маяковский вступил в РАПП в феврале 1930 г. Однако, став членом пролетарского писательского союза, Маяковский не обрел ни желанного покоя, ни дружеского понимания. Журнал «На литературном посту» комментировал: «...вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении»¹. Действительно, на Маяковского вскоре обрушилась разгромная пролетарская критика. Автора поэмы «Во весь голос» упрекнули в рассудочности и холодности². Кроме того, вступление Маяковского в РАПП оттолкнуло от него и бывших друзей. Таким образом, последовавшее 14 апреля 1930 г. самоубийство поэта воспринималось как результат травли или как гибель от пули врага на дуэли в попытке отстоять свои честь и достоинство.

Первые отклики на смерть поэта дал журнал «На литературном посту» за подписью Л. Авербаха³, позже, в том же году, вышла брошюра, во бравшая в себя журнальный отклик. Книга-очерк друга Маяковского, теоретика ЛЕФа В.Б. Шкловского [Шкловский 1931], вышла из печати в мае 1931 года, одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского» [Авербах]. Отклик А.М. Горького появился в журнале «Наши достижения», инициированном самим Горьким, в том же 1930 г., и носил название «О солитере»⁴.

Обратимся к высказываниям Авербаха, имея в виду, что эта речь имеет смысл высказывания лидера группировки, чье назначение было мобилизовать писателей и читателей к работе на будущее страны, но в случае с великим поэтом потерпевшей очевидное поражение, добившись, скорее, обратного результата. Поэтому речь лидера РАПП пронизана смысловыми и стилевыми оппозициями, призванными расставить идеологические ценностные акценты нужным для него образом.

Содержательные особенности его речи заданы заявленной в первом же абзаце оппозицией «живой/мертвый»:

«Прощаясь с Маяковским, больше всего думалось о судьбах живой литературы, о действительном значении его творческого наследия, об актуальной поучительности его жизненного пути. “По-

койник этого не любил!», – а у нас нашлось очень много критиков – и в кавычках и без кавычек, – которые в дни траура по Маяковскому потеряли способность подчинять скорбь трезвой оценке жизни и работы великого поэта революции. Мы, однако, не принадлежим к числу тех, которые немедленно зачисляют умершего писателя в некую литературу вообще, в сан бессмертных, в лик поэтических святых, перед которыми благоговейно, но о которых не спорят. У гроба Маяковского хотелось не плакать, а полемизировать» [Авербах: 3].

Это смысловое противостояние находит выражение в следующих лексических манифестациях (см. табл. 1).

Понятие «живое/жизненный путь» сопряжено у Авербаха с категорией «трудности», которые «живое» должно «преодолевать», а также «меняться», «выполнять», «сливаться», «перестраиваться», «держаться выбранной дороги». «Мертвое/покойник/Маяковский» предстает как результат столкновения с «трудностями», который проявляет себя как «страсть», «искренность», «привычка», «навык», «ошибка», «опечатка», «продолжительная болезнь», «мучительное расстройство нервов», «особенности биографии».

Авербах, занимая трибуну идеолога и вождя, восходит к обобщениям, концептуализирует

«ошибку» «покойника» при встрече с «трудностями».

Здесь появляются новые оппозиционные пары, семантически и стилистически связанные с ключевыми понятиями «живое/мертвое», носящие четкий классовый характер (см. табл. 2).

В опыте анализа языковой стилистики и социальной психологии Авербаха выделяются две смысловые оппозиции: «рациональное, классовое, коллективистское, новаторское» и «конкретное, индивидуальное, живое, иррациональное, противоречивое, новаторское».

Интересно, с точки зрения опыта оценки Маяковского-художника, определение «новатор», принадлежащее группе смыслов «живое». У Авербаха единственное положительное наполнение новаторства – это «поиск формы, понятной миллионам». Как ни странно, «новатор» появляется в его очерке и со знаком «минус» – в ценностной группе «мертвое». Его смысл здесь раскрывается понятиями «абстрактный», «планетарный», «схематический», «рассудочный», которые могут быть объяснены лишь «классовой» конкретикой. По Авербаху, Маяковский любил не класс, а весь страдающий мир.

Статья А.М. Горького «О солитере», призванная ответить на письма читателей, желающих знать его, как писателя с мировым именем, мнение

Таблица 1

Живое	Мертвое
судьба живой <литературы>, жизненный путь	покойник
актуальное	прощаясь
поучительное	траур
трезвая оценка жизни	скорбь
работа	бессмертный
спорить	плакать
полемизировать	канонизировать
любовь к жизни	ненависть к жизни

Таблица 2

Веление пролетариата	Индивидуальная свобода
метод	«окровавленный сердца лоскут»
мировоззрение	индивидуализм
творческие установки	пессимизм
понимание мира	«нутро»
личность художника	поэт-меднум
ликвидация залежей прошлого	розоватенькое человеколюбие
органическое влечение в коллектив	одиночка
очищение	пассивность
коллектив	обывательщина
отставание литературы от жизни	горькое мучение гуманизма, нигилизм и гуманизм, индивидуализм и слезливое всепрощение, цинизм и сентиментальность, мелкобуржуазная демократия, разочарование, мечтания, бунтарствующий мелкобуржуазный интеллигент
новатор	новатор
поиск формы, понятной миллионам	курс партии правит слева, абстрактный, планетарный, схематический, рассудочный

о произошедшем, резко отличается от почти лишенной образности статьи Авербаха. Напомним, что отношение Горького к Маяковскому было неоднозначным [Спиридонова: 113–115; Спиридонова: 142–145]. Признавая талант поэта, поддерживая его творчество и призывая начинающих изучать его художественную манеру, Горький часто выступал его жестким критиком, ср., например: «Маяковскому и присным его не следует подражать, эти люди громко кричат для того, чтоб незаметно было, как они холодны и равнодушны ко всему, кроме своих “я”», – писал он своему корреспонденту 12 мая 1929 г. из Сорренто [Горький 2017: 46], а 16 мая 1930 г., через месяц после смерти поэта, комментировал: «По поводу Маяковского: Вы пишете: “Нельзя объяснить катастрофу только личными причинами”. А – к а к же? В оценке этого факта мы с Вами, очевидно, разойдемся. И не только по “частному” поводу – потому что для меня Маяковский был человек сугубо “ячный”» [Горький 2017: 299]. Однако в тот же день признается: «Есенин – Маяковский не первые, кому суждено погибнуть в наши строгие дни. Дальше будет все труднее для людей, которые невольно служат делу свободы. Смерть Маяковского, все-таки, встала мне “поперек горла”» [Горький 2017: 300].

В своих открытых оценках смерти Маяковского Горький метафоричен и виртуозно выстраивает ряды смысловых и звуковых ассоциаций, впрочем, так же как и у Авербаха, задающих оппозиционные рамки. Но если у Авербаха они определены переосмысленными с классовой точки зрения понятиями «живого» и «мертвого», то у Горького классовый характер оппозиции не завуалирован: он идет путем дедукции, тогда как Авербах – индукции (см. табл. 3).

Горький предстает в этом тексте гораздо больше гуманитарием, играющим словами, чем Авер-

бах, что соответствует его особой роли создателя новых слов и смыслов для читателей его журнала. Он показывает читателю забавную игру слов, но не случайно, а как опытный учитель: с целью увлечь, убедить, заставить поверить. Заметим здесь, что классовая смысловая оппозиция опять содержательно связывает такие далекие слова, как «самоубийство», «болезнь», «личность», «деградация», «гуманность», «вредительство», с индивидуализмом мещанина – не пролетария, не массы. И, как и для Авербаха, все то, что не носит классового пролетарского характера, названо «внутренним», «нутром» и ассоциируется с болезнью и смертью.

Книга-очерк Шкловского вышла из печати в мае 1931 года, одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского». Шкловский не претендует на роль трибуна, как Авербах, или учителя, как Горький, к которому обращаются, чтобы узнать его авторитетное мнение. Он друг и современник погибшего, с которым в последние годы его жизни были нелады: Шкловский не вошел в РЕФ, не понял его программы, планировал сам создать свою группу, и потому он открывает свой очерк «Случай на производстве» очень личными словами: «Как представитель поколения, наполовину уже срубленного, я думаю о себе, когда вспоминаю» [Шкловский 1990: 427]. Он откровенно субъективен и этого не стыдится. Более того, субъективное, личностное, конкретное становится смысловой доминантой его воспоминаний о друге, который также жаждал субъективного: «Но Владимир Владимирович сломился совсем. В конце жизни говорил, что хочет вернуться к писанию о себе. И прибавлял: “Тема мне хорошо известная”» [Шкловский 1990: 445].

Шкловский не довольствуется парными оппозициями. Между двумя, сразу намеченными, смысловыми полюсами «Личное», которое ассоцииру-

Таблица 3

Рабочий класс	Мещанин
ломать хребет	пищать
трудовой народ	весь русский народ
кухаркины дети	соль земли
коллективист	индивидуальное начало
коммунист	соль – солить (насолить) – солитер <вредитель>
тысячи	единственный, неповторимый
рабоче-крестьянская масса	требующий себе
кто героически строит небывалое, грандиозное	гуманность
тяжелая шершавая рука	религиозность голодные зубы самоубийство драма болезнь дегенеративный внутренняя независимость
новый человек	права личности / личность / личико
	эгоизм самолюбия, самомнения, славолюбия.

Таблица 4

Личное	Здравомыслие	Отход от себя
юность	плыть	
крылья	седой	сломался
футуризм	профилакторий	крематорий
работать, развертывая себя	работать переламывая, преодолевать себя	побежденный Маяковский
неустойчивость	выработал дыхание	отравился
лирические стихи / красивые башмаки / хорошее вино / любовь	приучил себя	

ется со словами-понятиями – «юное», «крылатое», «лирическое», «устремленное в будущее», с искусством – «футуризмом», «работой, развертывающей себя», «неустойчивостью», и его оппозицией: «Отход от себя», инструментальной словами-символами, метафорами «крематорий», «сломался», «побежденный», «отравился», появляется компромиссное, характеризующее некое срединное состояние для таких, как он и Маяковский в молодости: «Здравомыслие», перекликающееся с положительным полюсом авербаховой оппозиции, где нашло свое место «трезвая оценка жизни». В отличие от Авербаха, для которого «трезвый взгляд» означает «спор» и «полемику», «здравомыслие» Шкловского формирует вокруг себя смысловое поле конформизма: «плыть», «профилакторий», «работать, переламывая себя», «преодолевать себя», «приучил себя», «выработал дыхание». Венчает этот ряд слово-образ «седой» (см. табл. 4).

Шкловский в отношении высказываний Авербаха и Горького занимает особое положение: он сподвижник и единомышленник Маяковского, и потому динамика, хронометрия занимает в его очерке основное место. В отличие от Авербаха и Горького он не стремится к классовым, социальным оппозициям. Личностное начало для него стоит в ряду понятий, ассоциирующихся с юностью, с источником движения навстречу будущему. Незнакомым остается некий барьер, который требует «отхода от себя». Шкловский, в отличие от Авербаха и Горького, сосредотачивается на форме перехода, его взгляд сложнее, он уповает на «способность плыть», быть «здравомысленным» и, по Авербаху, обрести «трезвую оценку жизни». Иной путь чреват несчастным «случаем на производстве». Именно так названа его эпитафия Маяковскому в сборнике «Поиски оптимизма», оставившая ощущение жизни как игры.

Во всех приведенных выше реакциях на смерть Маяковского есть одна общая черта – подчеркнутый рационализм, трезвость, желание уйти от эмоциональной, человеческой оценки беды. При этом каждый из высказавшихся озабочен, как кажется, высшими интересами человечества. Но у всех у них – самоубийство Маяковского является синонимом болезни, потери трезвости, здравомыслия, но никак не трагедией. Ни у одного из писавших не находится положительных определений того,

что названо у Авербаха «внутренним», у Горького «нутром», у Шкловского «лирическим». Нигде нет личной оценки факта смерти человека. У Горького и Авербаха – это гибель врага, солитера или индивидуалиста, у Шкловского – гибель неперестроившегося на новые рельсы индивидуалиста, представителя литературной дореволюционной богемы, очертания которой заданы предметами быта: «красивые, прочные башмаки», «хорошее вино» и проч. Биографический очерк Шкловского позволил наполнить текст названиями тех предметов, которые у самого Маяковского ассоциировались с «мещанством», с «буржуазностью». И Шкловский, как мы видим, также остается в рамках навязанной Авербахом классовой схемы оценки событий смерти Маяковского.

Стилевой строй проанализированных высказываний выявляет кризисные, чреватые трагедией тенденции в духовной атмосфере нового общества, в котором не находится слов и способов выражения для «индивидуального» начала и для раскрытия внутреннего потенциала личности в жизни общественной, в социально-политическом быте. «Учительное», «лозунговое», «игровое» начало представляет эпоху реконструкции как эру «гуманизма», понимаемую здесь как форма социального доминирования [Живов], обеспечивающая «людям слова» положение вершителей частных человеческих судеб. Они навязывают становящемуся обществу систему ценностей, которая должна быть твердо усвоена массами. В ней отвергнуты и высмеяны понятия, объясняющие принцип функционирования социального организма через категорию «гуманного», понимаемого как «нравственное», «совестливое», «сердечное», «душевное», происходящее не от разума, а от действия «духа».

Внедряемая система смыслов и слов демонстрирует стиливое пограничье 1930-х гг., где происходила интерференция и совершались преобразование и распад мировоззрений, жизненных укладов, ценностей, победа «гуманизма» над гуманностью.

Примечания

- ¹ На литературном посту. 1930а. № 4. С. 4.
- ² На литературном посту. 1930б. № 5–6. С. 7.
- ³ На литературном посту. 1930в. № 9. С. 5–21.
- ⁴ Наши достижения. 1930. № 6.

Список литературы

Авербах Л.Л. Памяти Маяковского. 2-е доп. изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 48 с.

Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2017. Т. 19. 998 с.

Горький М. О солитере // Публицистические статьи. М.; Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. 415 с.

Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolyucziya-razmyshleniya-nad-staroj-knigoj-a-m-selishheva.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2004. 830 с.

Московская Д.С. «Я по существу мастеровой, братцы». Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова «Высокое напряжение» // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–193.

Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris: Mouton, 1975. 48 с.

Спиридонова Л.А. М. Горький: Новый взгляд. М.: ИМЛИ, 2004. 262 с.

Шкловский В.Б. В поисках оптимизма. М.: Федерация, 1931. 149 с.

Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. 544 с.

References

Averbakh L.L. *Pamiati Maiakovskogo* [In memory of Mayakovsky]. 2-nd rev. ed. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1931, 48 p. (In Russ.)

Gor'kii A.M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma* [Complete Works]: in 24 vol. Moscow, Nauka Publ., 2017, vol. 19, 998 p. (In Russ.)

Gor'kii M. *O solitere* [About tapeworm]. *Publitsisticheskie stat'i* [Publicist articles]. Moscow, Leningrad, OGIZ-LENGIKhL Publ., 1933, 415 p. (In Russ.)

Zhivov V.M. *Iazyk i revoliutsiia. Razmyshleniia nad staroi knigoi A.M. Selishcheva* [Language and revolution. Reflections on an old book by A.M. Selishchev]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2005, № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyk-i-revolyucziya-razmyshleniya-nad-staroj-knigoj-a-m-selishheva.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Katsis L.F. *Vladimir Maiakovskii. Poet v intellektual'nom kontekste epokhi* [Vladimir Mayakovsky. The poet in the intellectual context of the epoch]. 2-nd rev. ed. Moscow, RGGU Publ., 2004, 830 p. (In Russ.)

Moskovskaia D.S. «*Ja po sushchestvu masterovoi, brattsy*». *Vladimir Maiakovskii v reministsentsiakh p'esy Andreia Platonova «Vysokoe napriazhenie»* [I am essentially a craftsman, brothers! Vladimir Mayakovsky in the reminiscences of Platonov's play “High voltage”]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2012, № 1, pp. 178–193. (In Russ.)

Smert' Vladimira Maiakovskogo [Death of Vladimir Mayakovsky]. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1975, 48 p. (In Russ.)

Spiridonova L.A. *M. Gor'kii: Novyi vzgliad* [Gorky: A new look]. Moscow, IMLI Publ., 2004, 262 p. (In Russ.)

Shklovskii V.B. *V poiskakh optimizma* [In search of optimism]. Moscow, Federatsiia Publ., 1931, 149 p. (In Russ.)

Shklovskii V.B. *Gamburgskii schet: Stat'i – vospominaniia – esse (1914–1933)* [Hamburg account: articles – memoirs – essays]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 544 p. (In Russ.)